

Особенности трансформации и пути развития жанра баллады в русской поэзии Мордовии

О. Ю. Осьмухина

*ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»,
Саранск, Российская Федерация,
ostmukhina@inbox.ru*

Е. В. Пивкина

*ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»,
Саранск, Российская Федерация,
kate8ruru@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению специфики развития жанра баллады в современной русской поэзии Мордовии и вписывается в комплекс исследований финно-угорского литературоведения, касающихся проблемы жанрового синтеза. Предметом анализа стали жанровые особенности баллады.

Цель: авторы ставят цель проанализировать генезис и пути развития баллады в творчестве современных поэтов Мордовии.

Материалы исследования: баллады А. Терентьева, В. Федосеева, В. Гадаева, А. Шаронова, С. Казнова и др.

Результаты и научная новизна. Анализ русской поэзии Мордовии показал, что баллада, прошедшая долгий путь в своём становлении и развитии, остаётся весьма востребованным жанром. На современном этапе она существенно меняет свои жанрово-стилевые особенности, сохраняя при этом важную доминантную черту – остросюжетность, динамичность в изложении событий. Баллада как лиро-эпический жанр, с одной стороны, синтезирует признаки оды, героического рассказа в стихах, сказаний, элегии, утрачивая характерные устойчивые признаки (А. Терентьев, В. Федосеев, В. Гадаев, А. Шаронов и др.); с другой стороны, происходит очевидная деканонизация классической романтической баллады. Современные поэты, используя постмодернистские приёмы (игра, интертекстуальность), привносят в балладу элементы иносказания, пародии, абсурда, что позволяет продемонстрировать нестабильность эпохи конца XX столетия, растерянность человека, оказавшегося в водовороте общественно-политических событий (С. Казнов, С. Сеничев).

Жанровая гибкость баллады даёт возможность показать всю гамму чувств и эмоций, отразить основные тенденции современного поэтического процесса, обозначить актуальные проблемы действительности. Выявление особенностей жанра баллады, динамики её развития позволит не только определить особенности творческой манеры отдельных писателей, но и проследить характер развития современной поэзии Мордовии в целом.

Ключевые слова: современная русская поэзия Мордовии, баллада, жанр, жанровый синтез, сюжет, образы, мотивы.

Для цитирования: Осьмухина О. Ю., Пивкина Е. В. Особенности трансформации и пути развития жанра баллады в русской поэзии Мордовии // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 248–259.

Features of transformation and ways of the ballad genre's development in Russian poetry of Mordovia

O. Yu. Osmukhina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
osmukhina@inbox.ru*

E. V. Pivkina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
kate8ruru@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction. The article is devoted to the study of the specifics of the ballad genre development in modern Russian poetry of Mordovia and it fits into the complex of Finno-Ugric literary studies concerning the problem of genre synthesis. The subject of the analysis is the genre features of the ballad.

Objective: to analyze the genesis and development of the ballad in creativity of modern poets of Mordovia.

Research materials: ballads of A. Terentyev, V. Fedoseev, V. Gadaev, A. Sharonov, S. Kaznov, etc.

Results and novelty of the research. Analysis of Russian poetry of Mordovia showed that the ballad, which has passed a long way in its formation and development, remains a very popular genre. At the modern stage, it significantly changes its genre and style features preserving an important dominant feature. These features are tension and dynamism of the events. The ballad as a lyre-epic genre, on the one hand, synthesizing the signs of ode, heroic story in verse, legends, elegy, loses the specific stable features (A. Terentyev, V. Fedoseev, V. Gadaev, A. Sharonov, etc.); on the other hand, there is an obvious decanonization of the classical romantic ballad. Modern poets, using postmodern techniques (play, intertextuality), bring to the ballad elements of allegory, parody, absurdity, which allows to demonstrate the instability of the epoch of the late XX century, frustration of people in the whirl of socio-political events (S. Kaznov, S. Senichev).

The genre flexibility of the ballad makes it possible to show the whole range of feelings and emotions, to reflect the main trends of the modern poetic process, to identify actual problems of reality. Identification of features of the ballad genre, the dynamics of its development will allow not only to determine the features of the creative manner of writers, but also to trace the nature of development of modern poetry of Mordovia as a whole.

Key words: modern Russian poetry of Mordovia, ballad, genre, genre synthesis, plot, images, motifs.

For citation: Osmukhina O. Yu., Pivkina E. V. Features of transformation and ways of the ballad genre's development in Russian poetry of Mordovia // Vestnik Yugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (2): 248–259.

Введение

В современной науке о литературе одной из ключевых проблем является проблема функционирования жанра, причём теоретики литературы активно обсуждают пути его развития и особенности бытования. Подчеркнём, что каждая историческая эпоха накладывает отпечаток на всю систему жанров, каждый раз организовывая её по новому принципу. Несмотря на расхождения в понимании вопроса бытования жанра, изложенные в трудах ведущих теоретиков начала XX века Ю. Н. Тынянова и М. М. Бахтина, мы считаем правомерными оба научных подхода. Действительно, справедливо утверждение Ю. Н. Тынянова об изменении всей системы жанров при смене исторических эпох:

«Представить себе жанр статической системой невозможно уже потому, что самое-то сознание жанра возникает в результате столкновения с традиционным жанром (т. е. ощущения смены – хотя бы частичной – традиционного жанра «новым», заступающим его место). <...>. Когда этого «замещения» нет, жанр как таковой исчезает, распадается» [16, 256]. В то же время, при изучении эволюции жанра нельзя не учитывать и мысль М. М. Бахтина о том, что жанр – это наиболее устойчивая совокупность способов коллективной ориентации с установкой на завершение; история литературы – это история жанров» [2, 159–206].

Таким образом, без учёта специфики жанра, его типологических особенностей, с одной стороны, и его исторической подвижности,

с другой, когда он может заимствовать своеобразные особенности других жанров и существенно менять свой облик и строй, невозможно представить адекватную картину литературного развития.

В этой связи наиболее показателен жанр баллады, прошедший длительный путь в своём становлении и развитии. В «большом времени» баллада меняла свои содержательные и формальные признаки: от фольклорных эпических песен до поэтических версификаций поэтов-постмодернистов. По сути, на разных этапах она имела совершенно разное семантическое и идейно-эстетическое наполнение: традиции устного бытования, музыкально-ритмическое оформление, литературно-авторскую форму. Однако жанровая принадлежность обеспечивалась прежде всего канонами фольклорной баллады, который предполагал «повествовательный сюжет – рассказ о чудесном, сверхординарном <...> событии с “зачатками эпического схематизма”, любовью к троичности и т.д.; “лирическое эмоциональное освещение” этого сюжета с возвратами, забеганиями вперед, рефренами и повторами; диалогическую композицию, основанную на обмене репликами между героями» [14, 330].

Следует отметить, что в отечественном литературоведении и фольклористике большое внимание уделено особенностям развития как русской народной, так и литературной баллады. Так, значительная заслуга в её изучении принадлежит В. Я. Проппу, Д. М. Балашову, Б. Н. Путилову, В. М. Жирмунскому, В. К. Соколову, В. П. Аникину, О. Ф. Тумилевич, А. В. Кулагиной и многим др. Вопросы изучения генезиса, жанровых особенностей литературной баллады затрагивались в работах Ю. Н. Тынянова, И. Л. Гринберга, А. М. Микешина, С. Л. Страшнова, Р.В. Иезуитовой, Л. Н. Душиной, Д. М. Магомедовой, С. Н. Бройтмана, И. В. Кукулина и многих др.

Определённый интерес у исследователей вызывает и судьба жанра баллады в поэзии Мордовии. Опираясь на традиции русской и мордовской литератур, устно-поэтическое творчество эрзян и мокшан, реагируя на исторические и социально-политические события времени, баллада приобретает специфические черты, изучение которых даёт возможность проследить векторы развития современной поэзии Мордовии.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на своеобразии мордовской

народной баллады, был А. И. Маскаев («Мордовская эпическая песня» 1964). Отдельные наблюдения о влиянии устно-поэтического творчества на национальную литературную балладу содержатся в кандидатской диссертации А. М. Шаронова «Русско-мордовские фольклорные отношения (исторические песни XVI–XVIII веков)» (1973), статье В. В. Горбунова «Освоение действительности в жанровых формах драматической поэзии» (1984). О связях мокшанских и эрзянских исторических баллад с русскими говорится в книге М. Ф. Ефимовой «История в песнях» (1991). Роль балладных сюжетов и мотивов в составе эпической поэзии изучена Е. А. Федосеевой в монографии «Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция» (2007) и в кандидатской диссертации Н. Ф. Головановой «Эволюция жанра баллады в эпической поэзии мордвы» (2009). Меньшее внимание, на наш взгляд, уделено специфике развития жанра литературной баллады в современной мордовской поэзии. Фрагментарный анализ художественных особенностей таких произведений содержится в исследованиях Г. С. Девяткина, А. И. Брыжинского, В. И. Дёмина, И. И. Шеяновой, О. И. Налдеевой и др. Однако, при всей значительности исследовательских работ многие вопросы, связанные с основными тенденциями развития балладной формы, по-прежнему нуждаются в уточнении и серьёзном научном осмыслении. Среди основополагающих можно выделить и вопросы, касающиеся жанрово-видовой специфики баллады в современной русской поэзии Мордовии. Осмысление основных путей развития этого жанра, его поэтологических особенностей позволит выявить не только специфику конкретной жанровой формы, но и поможет определить основные тенденции развития современной поэзии Мордовии в целом.

Материалы и методы

В статье изучаются особенности функционирования жанра баллады в современной русской поэзии Мордовии. В процессе исследования мы определили специфику её развития, жанровые и композиционные особенности, изучили проблемно-тематическое своеобразие.

Материалом исследования послужило творчество поэтов последнего десятилетия: А. Терентьева, В. Федосеева, В. Гадаева, А. Шаронова, К. Смородина, С. Казнова.

Были использованы методы: культурно-исторический, типологический, биографический, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Результаты

На каждом витке исторического развития баллада вбирала специфику национального мировидения, историко-мифологическое мышление народа-создателя, внутренние ритмы его жизнотворчества, а также испытывала на себе влияние сюжетов инонациональных литератур. Русская литературная баллада отчасти формировалась под влиянием, во-первых, национальной фольклорной баллады, во-вторых, переводной западноевропейской [21; 22; 23], и представляла собой неоднородное жанровое образование. Общеизвестно, что, хотя в традиции собирания и классификации русского фольклора жанровое наименование «баллада» возникло позднее распространения литературных баллад (термин был предложен в середине XIX в. П. Киреевским), фольклорные источники в некоторой степени влияли на становление баллады литературной [14, 356].

Несмотря на разнохарактерность бытования жанра литературной баллады с XIX до начала XXI вв. (при безусловном осознании позднейших трансформаций балладного сюжета вплоть до кардинальных изменений жанра в поэзии последних десятилетий), правомерно, на наш взгляд, дать следующее его определение: баллада – это лиро-эпический жанр с повествовательным лаконичным сюжетом, в основе которого лежат таинственные, мистические события, наполненные драматизмом, внутренней напряжённостью, пространственно-временной условностью (последняя связана с особым «пограничным» хронотопом: атмосфера ночи, кладбища, средневекового замка и т.п.). Наррация в балладе может вестись как от лица повествователя, который представляет события отстранённо, так и от лица балладного героя или же от лирического «я», делая жанр «стилистически трёхмерным» (С. Бройтман).

Передача напряжённости коллизий и остроты переживаний; специфика образа сильного героя, характер которого раскрывается в исключительных условиях; само балладное событие, расценивающееся как сенсационное, из ряда вон выходящее – все эти черты свойственны и литературным балладам Мордовии.

Особенности развития баллады в национальной мордовской поэзии во многом объясняются отнесением эрзя-мокшанской литературы к младописьменной. Истоки литературной мордовской баллады, которая начинает формироваться в 1920–1930-е гг., обнаруживаются в фольклоре и мифологии. Во многих балладных текстах появляются архаические черты времён родовой общины. Такая баллада синтезирует особенности национального и инонационального, в ней наблюдаются сходства с сюжетами европейских баллад, мифологии и героического эпоса. Совершенно справедливо В. В. Горбунов подчёркивает, что балладное творчество мордовского народа в отличие от русского и европейского опыта, не испытывало влияния национальной письменной литературы [4, 99–100]. Г. С. Девяткин также обращает внимание на то, что национальная мордовская баллада «генетически уходит корнями к национальной балладной традиции устно-поэтического творчества» [7, 25]. Исследователи актуализируют внимание на обращении к социальным, философским и семейно-бытовым проблемам, вплетении в её ткань фольклорных образов и мотивов. В основе сюжета многих баллад лежит конкретное событие, индивидуальная судьба человека, «который совершает необычный поступок в необычных, особо напряжённых драматических ситуациях» [4, 100].

Первые литературные баллады Мордовии, созданные в 1920–1930-х гг., во многом ориентировались как на устное поэтическое творчество мордовского народа, так и на опыт советской поэзии, в частности, героическую балладу Н. Тихонова, которая сыграла важную роль в формировании гражданственности и единства нации. Героические баллады А. Моро, К. Петровой, А. Зинькова, Я. Григошина и др. – это своеобразные остросюжетные рассказы о подвиге и мужестве ради общего дела. Национальные авторы также во многом отталкиваются от романтических традиций, гиперболизируют идею борьбы за «новую правду». В центре таких балладных сюжетов не столько трагическое событие, сколько репрезентация романтизации подвига через возвышенный пафос.

Помимо романтизации действительности и человека перед национальной балладой стояли и другие дидактические задачи: мифологизация советской действительности, утверждение единства нации, репрезентация героизма

советского человека. Определяя особенности советской баллады, С. Л. Страшнов справедливо подчёркивал: «Необычное поэты находят рядом, идеал – в действительности. Отныне не фантастическое предание значительнее и даже реальнее повседневной жизни, как это представлялось романтикам прошлого, – наоборот, сама действительность встаёт вровень с легендой, а подчас и превосходит её» [13, 11].

Это высказывание, безусловно, отражает и характер развития национального литературного процесса и жанра баллады, в частности. Действительно, сама эпоха, с её трагическими коллизиями, давала поэтам «живой» материал, приближаясь по накалу драматизма к классическим народным балладам, в основе которых лежала уплотнённая динамика событий, фантастическая осязаемость и т.п.

Следует отметить, что особый интерес к жанру баллад в мордовской литературе возникает в годы Великой Отечественной войны. В творчестве С. Вечканова «Шоферэнь кулома» («Смерть шофера»), А. Щеглова «Гайкстак, бандура» («Звени, бандура»), П. Гайни «Сазорка» («Сестра»), А. Мартынова «Россия», М. Бебана «Мокшень цёрат и инекуй» («Мокшанские парни и змей») и многих др. Их балладные стихи существенно отличались от классических романтических и народных баллад. Среди ярких особенностей военных баллад стоит отметить сюжетность, героику, ориентацию на документальность, обращённость к современности, изображение реальной жизни в её повседневности. Кардинально меняется и специфика балладного героя: на смену герою-одиночке романтической баллады приходит народный герой, подвиг которого связан прежде всего с общенародной борьбой. Его образ не индивидуализированный, а обобщённый; характер проявляется не в исключительных и фантастических обстоятельствах, а в драматических моментах современной действительности.

В последующие десятилетия внимание к этому жанру в национальной литературе не ослабевает, тематика существенно не меняется: по-прежнему в центре балладных сюжетов остаются драматические события, связанные с воспоминаниями о войне, тяжёлых военных и трудовых послевоенных буднях. В этом отношении примечательны балладные стихи М. Бебана «Тядя» («Мать»), А. Тяпаева «Келуня» («Берёза»), «Алена», В. Волкова «Вечный часовой» и др. Отличительными особенностями

таких произведений становится обращение к национальным фольклорным образам и мотивам, использование песенных ритмов эрзя-мокшанской народности в передаче внутренней напряжённости и драматизма.

На сегодняшний день, как мы смогли убедиться, в республиканском литературоведении вопросы, связанные со спецификой генезиса и развития как народной, так и литературной мордовской баллады получили достаточно подробное освящение. На наш взгляд, менее изученной остаётся проблема развития жанра баллады в литературном процессе Мордовии рубежа XX – XXI вв. Следует признать, что наибольший интерес к данному жанру проявляется в творчестве русскоязычных поэтов Мордовии: А. Шаронов, В. Гадаев, В. Федосеев, А. Терентьев, М. Фролов, С. Сеничев, С. Казнов и др. Во многом особенности развития жанра баллады в их творчестве определяются общероссийскими литературными тенденциями. Так, в их поэзии конца XX столетия продолжает активно развиваться историко-героическая баллада, в которой мифологизируется советская действительность, утверждается как военный, так и трудовой подвиг. В ней проявляются одические черты, возвышенный пафос. Поэты уходят от фантастической условности, мистификации, объектом поэтического осмысления становится современная действительность с её трагическими коллизиями.

В этом отношении показательны баллады А. Терентьева, В. Федосеева, М. Фролова, С. Вишнякова, которые отчасти продолжают поэтические традиции Н. Тихонова, К. Симонова, А. Твардовского и др. советских поэтов. Например, в поэтический сборник А. Терентьева «Набатный звон» (2002) вошёл цикл баллад, состоящий из пятнадцати произведений. Все они представляют собой небольшие фабульные стихотворения, в которых само повествование пронизано лирико-драматическим пафосом. В основу балладных сюжетов чаще всего положено яркое драматическое событие времён Великой Отечественной войны: первое убийство врага («Баллада о пленном»); разлука и смерть двух влюблённых сердец («Баллада о встрече»); смерть российских матросов («Баллада о подводной лодке»); первый день войны («Жажда»); гибель молодых медсестёр («Баллада о санитарном автобусе») и др. Для поэта каждое трагическое событие является толчком для глубоких философских размышлений о бесчеловечности и жестокости любой войны, о судьбе России,

о будущем человечества: «Но той осенью, в срок первом, / Я убил его наповал, / До сих пор этот выстрел длится. / Мне, живому, который год / Первый немец убитый снится, / Остальные – так те не в счёт. / И мне так тяжело, поверьте, / Словно в сердце несу вину... / Тот, кто был на войне, / До смерти / Остаётся в её плену» [15, 48]. Баллады А. Терентьева представляют собой нерасторжимое слияние лирического и эпического начал. Для поэта главное не столько событие, сколько ощущение, которое оно возбуждает, мысли, на которые оно наводит читателя. Даже те баллады, которые повествуют о событиях далёких от современной эпохи (Полтавская битва, Бородинское сражение, Гражданская война), объединены общей идеей патриотизма и мужества русского народа, слиты с общим контекстом повествования.

Следует также отметить, что в балладных стихах А. Терентьева повествование ведётся от лица лирического героя, который искренне переживает далёкие трагические события. Свою миссию он видит в предупреждении современников о возможности повторения великих трагедий истории. Отсюда подчёркнутая дидактика, выраженная совокупностью средств художественной изобразительности. Автор активно использует риторические средства создания художественного образа: многочисленные обращения, риторические вопросы и восклицания, недоговорённость, высокую лексику, возвышенный пафос: «<...> И всю ночь пребывает на страже, / Нам, живущим, забыть, не веля / То, что в бездну со всем экипажем / Может вдруг погрузиться Земля...» [15, 50].

В схожем русле выстраиваются и балладные сюжеты в поэзии В. Федосеева, который на протяжении всего своего творчества обращается к этому жанру. Для поэта также характерно стремление к циклизации. Свою новую книгу «Хлебозары» (2017), куда вошли стихи разных лет, поэт не случайно завершает балладным циклом. Финальная часть книги играет важную сюжетобразующую функцию: скрепляет воедино весь спектр поэтических рассуждений автора, который представляет жизнь лирического героя, приближенного к образу поэта, на фоне судьбы страны. Образ малой родны, Мордовии, сливается с образом России. Поэт словно берёт читателя за руку и ведёт его по своей поэтической Вселенной: перед читателем предстаёт послевоенное детство поэта, трудная жизнь сельчан, которые не забывают тяжёлое

военное время, лица ветеранов, помнящих о войне и являющихся важным звеном в передаче потомкам русской истории. Автор акцентирует внимание на мужестве современников, которые подобно своим отцам и дедам также находятся на передовой (судьба ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС). Через взгляд лирического героя очевидна широта и бескрайность родной мордовской земли, осязаема радость причастности к родным корням, истокам.

В финальном цикле именно балладные формы помогают автору подчеркнуть основную идею сборника. Героическими балладными сюжетами поэт словно подводит итог всему сказанному, концентрирует внимание на главных жизненных составляющих: мужестве, героизме, защите родины, мирном труде. В балладах поэт вновь обращается к подвигу советских воинов, павших на полях сражений. Сквозь призму символических образов ржаных колосьев («Баллада о ржаном колосе»), огненного вихря («Баллада о пятнадцатилетии»), «красной крови полотнищ» («Баллада о красном цвете»), «осенних листьев похоронок» («Баллада о двух похоронках»), он обнажает «раны» войны, её бесконечные боли и утраты: «Хлеба горели на корню / Хлеба Отчизны, / И зерна сыпались в стерню, / как чьи-то жизни <...> / Как будто держит рубежи / Заместо павших, / Как будто встанут те мужи, / Те землепашцы» [17, 289].

В. Федосеев, во многом продолжая традиции советской поэзии (П. Антокольского, С. Гудзенко, А. Суркова и др.), синтезирует жанровые черты баллады и оды, создаёт произведения, приближенные к героическому рассказу в стихах. Следует признать, что историко-героические баллады А. Терентьева, В. Федосеева, М. Фролова, С. Вишнякова и др. отличаются композиционной простотой, однонаправленностью в изложении событий, малым количеством действующих лиц. Баллада в их творчестве, с одной стороны, синтезирует в себе одические черты (воспевание мужества, подвига, героизма), с другой, приобретает признаки публицистики (документальность, достоверность в изложении событий и фактов).

В конце XX столетия в балладе Мордовии наблюдается и тяготение к фольклорным традициям эрзя-мокшанского народа. Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в поэзии А. Шаронова [20; 24]. Отличительной чертой его творчества является воспевание исторической

родины («О, Эрзяния, Русь, ты, как Ноев ковчег», «Я обычай предков не нарушу», «Едет по Ерзяни Соловей Разбойник», «Шел Чам-Пас по эрзянской земле» и др.). Подобно древнерусскому певцу Бояну, шароновский лирический герой не только чувствует кровную связь с удивительной землёй Эрзянией, но и старается перенять мудрость и силу великих предков. Автор актуализирует мысль о главной миссии поэта-эрзянина сохранить этнические корни, возродить интерес к национальному языку, культуре, традициям: «<...> “Я жить буду в песнях былинных. / Я в песнях! Вот всем мой ответ”. / Ты в песнях, сказаньях старинных / И в тех, что поёт твой Поэт» [19, 25].

А. Шаронов практически не использует жанровую маркировку в названиях своих произведений. Его поэмы «Сватовство Инешкипаза», «Кудадей», «Эрзянское царство» и другие сказания, вошедшие в эпопею «Масторава» (2003), являются эпико-историческими балладами, соединяющими признаки героических поэм, народных сказаний, былин, сказок. Эпический мир его произведений наполнен многочисленными голосами и образами героев эрзяно-мокшанской мифологии, фольклора: «Вон Инешки с неба слез / Добрым молодцем влюблённым. / Смотрит на неё дивится: / “Ах ты, дева красная, / Буду на тебе жениться / Радостно, радостно! / Отпущу домой Литову / И тебя возьму взамен / Будет в мире этом снова / Много разных перемен”» [19, 216]. Автор предлагает читателю поэтическую интерпретацию многих сюжетов эрзяно-мокшанской мифологии. Балладные стихи в соединении с жанровыми чертами сказаний, сказки, притчи дают представление о зарождающейся культуре, общественных отношениях, обычаях и традициях эрзян и мокшан, их борьбе за национальную независимость. Переосмысленные мифологические сюжеты передают мировоззренческую суть национальной жизни мордовского народа, создают своего рода представление о гармоничной должной жизни современного человека, который сегодня во многом утратил представление о ней: «Радуется Инешкипаз, / Землю сверху озирая: / Нет вражды в Эрзянском царстве; / Человек на человека / Меч не точит, слово-коршун / С уст свирепых не слетает, / Души, как стрела не ранит, / Гневом их не наполняет» [19, 267]. Таким образом, балладные стихи А. М. Шаронова формулируют идею сохранения этнических корней, возрождения интереса к национальному языку, культуре, традициям.

Дидактическая составляющая отличает и баллады В. Гадаева. Однако характер его поэтических размышлений существенно отличается от других произведений. Современного поэта волнует судьба Родины на «переломе» эпох. Написанные в 1990-е годы, баллады В. Гадаева поднимают проблемы, связанные с развалом Советского Союза, крушением единства нации. Контаминация темы Родины, России получила особое звучание в его поэзии конца XX столетия – эпоху крушения нравственно-эстетических идеалов, ломки самой социально-политической системы («Апокалипсис», «Развалили Советский Союз», «Ночь после гибели Красного колосса», «Нищая Россия» и др.). Равно как и у других российских поэтов этого периода (О. Кочеткова, Г. Горбовского О. Фокиной, М. Аввакумовой и др.), лирический герой В. Гадаева испытывает ощущение одиночества, растерянности перед «шалальной непогодой», которая обрушилась на Россию. Жанровые формы баллады позволили автору наиболее репрезентативно представить «панораму крушения страны», трагизм и одиночество личности на фоне эпохальных катаклизмов рубежа веков. Его баллады («Баллада о красном коне» 1994, «Баллада о былинном коне и храбром русиче» 1997) – это своего рода поэтические предупреждения о возможных трагических последствиях, в которых может оказаться современный мир и человек. Не случайно образ коня становится смыслообразующим в его произведениях. В славянской мифологии конь является символом плодородия, мужества и мощной силы. Красный конь – это символический образ сильной и могучей России, которая находится в опасности. Синтезируя жанровые черты баллады, былины, богатырского эпоса, поэт создаёт символическую песню-плач об утраченной мощи России, о ее внутренних и внешних врагах, которые веками подрывают её силу: «Но много врагов вековых у красного коня, / У красного коня, у красной силы. / Нету отбоя в разных землях от чёрного воронья, / От черных коней и от черных крыльев. / Не по нутру им, как красная заря, конь, / Не по нутру им грива его яркая, красная» [10, 178].

Обилие постоянных эпитетов, использование разнообразных ритмических конструкций былинного стиха с его напевностью в сочетании с мистичностью и таинственностью образов, придают балладе В. Гадаева особую лирико-драматическую напряжённость: «Красный конь, огненно-красный, / Проскакал по просторам

русской земли, / Как миг во Вселенной, как яркий праздник, / Заржал призывно / И скрылся вдали» [10, 178].

В «Балладе о былинном коне и смелом русиче» (1997) балладный герой и атрибутика уходят на второй план, отдавая центральное место былинному сюжету о силе русского богатыря, вставшего на защиту родной земли. Былинные «одежды», исторический ракурс, особая лексика нужны поэту для репрезентации «болезней» современной России; «Сколько ж нечести понагрязнуло. / И заморские, и свои враги / В наших жителях порассыпались, / Как по дереву червячки» [3, 427]. Мордовский поэт ощущает кровное, неразрывное родство с Россией, подчёркивает единство всех народностей, которые являются её неотъемлемой частью: «Мы с тобой, мой конь, их повыгоним / Из всех щелочек, из всех хитрых дыр. / Из них, алчных, яды мы выпустим / И прикончим их ненасытный пир» [3, 427].

Следует признать, что жанровая гибкость и тематическая «всеядность» баллады позволила как русским, так и национальным авторам наиболее ярко воплотить нестабильность и противоречивость современной действительности. Не случайно Н. В. Барковская, выделяя ведущие жанровые установки баллады (присутствие таинственных, непонятных сил, которые угрожают порядку и благополучию), отмечает, что её черты «отвечают мироощущению людей <...>. Страх подогревают и ежедневные сообщения о катастрофах, стихийных бедствиях, дефолтах, авариях, террористических актах» [1, 13].

Действительно, необычные повествовательные сюжеты становятся событиями общей «травмирующей ситуации» современного мира, своеобразной художественной рефлексией о «страшном мире». Однако, помимо историко-героической баллады, баллады-сказания, современные мордовские поэты разрабатывают и романтико-любовные, мифологические, библейские сюжеты, привнося в балладу исповедальность, философичность, что во многом сближает её с жанром элегии. Так, мотив быстротечности, невозвратности времени становится сюжетообразующим в поэзии К. Смородина («Баллада о родном доме», «Рука скользит по краешку стола...», «Муранские напевы» и др.). Исследователи обращают внимание на тонкую лирическую грусть, размышления о сущности бытия, которыми наполнены балладные стихи поэта [5; 6]. Отличительной

чертой поэтического стиля К. Смородина является повествовательность, биографичность образа лирического героя. За повествовательной манерой, как справедливо замечают исследователи, скрывается не холодно-эпическая отстранённость от описываемых предметов и событий, а «свободное и долгое лирическое дыхание» [6, 178]. Именно ностальгическое звучание стиха, наполненное воспоминаниями-припоминаниями, размышлениями о минувших событиях сквозь призму современности, сближает стих К. Смородина с поэтикой О. Чухонцева, Е. Рейна, О. Хлебникова.

«Баллада о родном доме» К. Смородина – это лирические размышления о потере духовного дома, утрате корней. Она сродни поэмам О. Чухонцева «Дом», «Свои», где также мифологизируется малая родина, провинциальный быт, вырастающий до общего представления о провинциальном пространстве России. Элегические размышления К. Смородина также, как и у О. Чухонцева, связаны с осознанием утраты духовной основы: «Домик, домик, домик мой родной! / Помню каждый столбик твой резной! / Крошево бордюрных кирпичей / под лежалой ледяной парчой – / день ещё – и зазвонит ручей! – и весна из рук моих испуганной и влажной» [11, 60]. У О. Чухонцева: «Я люблю эти старые стены, и даже не их, / а суровую участь, которая связана с ними, / этот синий пронзительный воздух, толкающий стих, / зоркий промысел тех, кто блуждает путями земными» [18, 27].

Воспоминания об ушедших из жизни близких людях, размышления о разрушении духовного Дома становятся смыслообразующей основой поэзии К. Смородина. Лирический герой его балладных стихов часто не находит душевного спокойствия, его волнует неизбежность старения, смерти, невозвратность человеческого существования. Рефлексия позволяет ему постигать основы мироустройства, пробуждать память об ушедшем и ушедших: «Рука скользит по краешку стола. / Зачем? Невольно расправляя скатерть, / которая когда-то здесь была... / в которой “смысл сокрыт” – так подсказала память. / А дальше вспомнится, наверное, увы, / та женщина, которая сидела / напротив. / Тень деревьев. / Блеск травы. / И озеро, которое глядело / глазами, полными небесной синевы...» [12].

Чувство онтологической сопричастности к прошлому и настоящему, элегическая грусть по утраченному наполняют балладный стих

К. Смородина, в котором не обнаруживаются мистико-фантастических, экзотических элементов. Его балладные стихи более тяготеют к жанру элегии, стихотворному рассказу, проникнутым лирической грустью о судьбе человека. Читателю передаётся лирическое настроение героя, его размышления о быстротекущей жизни, расставании с дорогими ему людьми, переплетении радости минувших дней и горечи об их утрате. В балладных текстах глубоко представлено лирическое «я», глубоко автобиографическое. «Баллада о доме» (1990), «Рука скользит по краешку стола» (2019), «То было золото, а это – серебро» (2019) и др. – репрезентация личной, частной стороны жизни человека, остро переживающего события прошлого.

Анализ современного состояния жанра баллады в поэзии Мордовии позволяет также обратить внимание и на её тяготение к игровым формам постмодернизма. Так, отличительной чертой баллад С. Сеничева («Баллада о добре и зле», «Баллада о звере», «Гигиена огненная») и С. Казнова («Новая баллада о Золушке», «Вальтер, лишённый смерти»), написанных в начале XXI века, является очевидная деканонизация жанра, игра с жанровыми формами романтической баллады. Поэты играют с образами, мотивами и ритмами легкоузнаваемых текстов русской и мировой литературы. Чаще всего за каскадом постмодернистских приёмов скрываются лирико-драматические размышления об утрате надежд на счастье современного человека, о крахе нравственных ценностей, подмене понятий, чувств, невозможности достижения счастья. Следует обратить внимание и на то, что наряду с поэтической игрой, они не отказываются и от лирического «я». Элементы интимности, автобиографизма также играют важную роль в их текстах.

Именно в таком ключе выстраивает свои баллады С. Казнов. Его «Новая баллада о Золушке» насыщена многочисленными аллюзиями на русскую классическую литературу, фольклор. Отталкиваясь от народного жестокого романа «Окрасился месяц багрянцем», поэт в иронично-пародийном ключе повествует об эфемерности любви, искажении представлений о ней в современном мире: «Окрасился месяц чем-то вроде багряного, / а наследного принца будят сытого-пьяного / и говорят ему: вставай, наше солнышко, / потому что волхвы опять нагадали Золушку. / И помчался он по реке без навига-

тора / так, что плясал за кормой бакен фарватера. / Прилетит он и спросит: «Где моя круглолицая?» – / и проедет по городу медленно, как милиция / <...> / Обыскав своё царство – всё, до двора, до колышка, – / я понимаю вновь: всё это – Золушка. / Амфора уникальная, надпись наскальная, / струна музыкальная, Садовая-Вертикальная» [8].

Любовь в поэтическом мире С. Казнова подобна чёрной молнии и зигзагу удачи-неудачи. Взаимность любви, её гармония разрушены, мир перевернулся и являет собой состояние после перенесённого урагана, в центре которого находился лирический герой. Переживая любовь, герой переживает трагедию. Однако эта драматическая тональность чаще всего скрывается за серией иронических приёмов. Синтезируя роковые мистические мотивы романтической баллады и иронические приёмы пародии, поэт раскрывает драматизм переживания несостоявшейся любви, обманутого чувства. Подобные черты обнаруживаются и в балладе «Вальтер, лишённый смерти»: «Вальтер Крылатый Лев был богат и знатен. / В отличие от солнца на нём не имелось пятен. / Он становился владельческим с каждым годом. / Реки его текли молоком и мёдом. / У него было много денег и драгметалла, / И только любви ещё ему не хватало. / Он хотел снабдить свой дом золотую кровлей, / Но встретил и полюбил молодую фройляйн. / Угощал её русской икрой и вином испанским, / Искупал её в бассейне с чистым шампанским, / Устраивал для неё фейерверк на даче, / Одевал её у Кардена и у Версаче... / Через месяц фройляйн нашла себе побогаче. / Она ушла рано утром, забыв бюстгальтер. / Узнав об этом, Вальтер достал свой вальтер, / Выбранный слуг за то, что не разбудили, / И просверлил две дырки в своём мундире. / Подобно тому, как негры не загорают, / Вальтер не умер – такие не умирают» [9].

Очевидна явная игра современных поэтов Мордовии как с формальными, так и содержательными признаками средневековой и романтической баллады. Сохраняя восьмистрочную строфу с одинаковыми рифмами, музыкальность и напевность, поэты выворачивают наизнанку таинственно-мистические сюжеты романтической баллады, привносят в них элементы пародии и травестики, что в итоге позволяет продемонстрировать потерю нравственных ценностей, непрочность чувств в современной действительности.

Обсуждение и заключение

Таким образом, в современной русской поэзии Мордовии баллада остаётся весьма востребованным жанром. Её жанровая гибкость и неоднородность даёт возможность многогранно представить поэтическую картину современного мира. Однако сегодня баллада утрачивает своё чёткое жанровое оформление, уходя от жанровых очертаний романтической баллады. В творчестве современных поэтов Мордовии наблюдается многообразие трактовок балладного сюжета: с одной стороны, продолжает активно развиваться историко-героическая баллада, которая синтезирует в себе черты былины, сказания, очерка, поэмы, но в то же время она лишается балладной условности; с другой стороны, в творчестве поэтов, ориентирующихся на поэтику постмодернизма, происходит нарочитое разрушение жанровой формы романтической баллады. Авторы переосмысливают традиции романтической баллады, привнося в неё элементы иносказания, пародии, абсурда и т.п.

Так, в произведениях А. Терентьева, В. Федосеева, М. Фролова и др. утрачивается балладная условность, мистическая и фантастическая составляющая жанра. Основу балладного сюжета составляет историко-героическое событие, подвиг и мужество советского человека. В балладных стихах А. Шаронова обращение к национальной мифологии и фольклору позволяет актуализировать значимость национальной мордовской культуры. Произведения В. Гадаева, тяготеющие к былинному эпосу, демонстрируют мощь и силу России, утраченную в конце XX столетия. Баллады К. Смородина представляют собой вариант лирической баллады, в которой доминирует философское, лирическое начало.

В творчестве поэтов, тяготеющих к литературе постмодернизма (С. Казнов, С. Сеничев), деканонизация жанровых черт романтической баллады позволяет передать авторское отношение к миру. Языковая игра, интертекстуальность, пародирование демонстрируют нестабильность эпохи рубежа XX–XXI вв.

Список источников и литературы

1. Барковская Н. В Жанр баллады в современной русской поэзии // Scripta manent: научный журнал Ассоциации открытой дипломатики. 2011. № 3(11). С. 13–21.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 730 с.
3. Гадаев В. Моё мироздание: Стихотворения, баллады, притчи, поэмы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 512 с.
4. Горбунов В. В. Признание: литературно-критические статьи. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. 152 с.
5. Гудкова С. П. Книга стихов как крупная жанровая форма в творчестве русскоязычных писателей Мордовии (на материале поэтических изданий 2014–2015 гг.) // Вестник угроведения. 2016. Т. 6. № 2. С. 27–35.
6. Гудкова С. П. Крупные жанровые формы в современной русской поэзии Мордовии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 208 с.
7. Девяткин Г. С. Развитие балладных традиций // Современная мордовская литература: в 2 ч. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. Ч. 2. С. 25–40.
8. Казнов С. Новая баллада о Золушке. URL: <https://polutona.ru/?id=223&show=reflect> (дата обращения: 15.05.2019).
9. Казнов С. Остров, полный звуков: стихи разных лет. URL: <https://fayzov.livejournal.com/207208.html> (дата обращения: 15.05.2019)
10. Русская поэзия Мордовии: опыт антологии / сост. В. А. Федосеев. Саранск: Книга, 2012. 480 с.
11. Смородин К. Второе дыхание: стихи. Саранск: Красный Октябрь, 2016. 240 с.
12. Смородин К. Мир не кончается за последней дверью // Странник: молодежный журнал. Саранск, 2019. URL: http://strannik-lit.ru/76680_81169_28_2_2019.html (дата обращения 16.05.2019).
13. Страшнов С. Л. Молодеет и лад баллад: Баллада в истории рус. сов. поэзии: Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1991. 155 с.
14. Теория литературы. В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
15. Терентьев А. Набатный звон: Баллады, сказ, поэмы, венок сонетов, письма Саранск: Красный Октябрь, 2002. 295 с.
16. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
17. Федосеев В. Хлебозары: сборник стихов. Саранск: Рузаевский печатник, 2017. 320 с.

18. Чухонцев О. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
19. Шаронов А. М. Планета Эра: стихи, поэмы, повести, рассказы. Саранск: Лит. фонд России, 2014. 544 с.
20. Gagaev A. A., Gagaev P. A., Tikhonov R. V. Bochkareva O. V. Mastorava by A. M. Sharonov: metaepos of tragedy and uthopy and prachtopy of erzya ethnos // International journal of Russian studies. 2015/1. no. 4. URL: http://www.ijors.net/issue4_1_2015/articles/alexandrovic (дата обращения: 18.05.20019).
21. Contemporary Irish poetry: A collection of critical essays / Ed. E. Andrews. London: Macmillan, 1992. 355 p.
22. Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Main, 1990. 554 p.
23. René Wellek and Austin Warren. Theory of literature. New York: Penguin Books. 1956. 384 p.
24. Sharonova E. A., Osmukhina O. Y. and etc. The mythological plots about the creation of the world and human beings in the erzyan epic, Mastorava // Revista de letras. 2016. Vol. 56. № 1. Pp. 83–102.

References

1. Barkovskaya N. V. *Zhanr ballady v sovremennoj russkoj poezii* [The ballad genre in modern Russian poetry]. *Scripta manent: nauchnyj zhurnal Associacii otkrytoj diplomatiki* [Scripta manent: scientific journal of the open diplomacy], 2011, no. 3 (11), pp. 13–21. (In Russian)
2. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vol.]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1997. Vol. 5. 730 p. (In Russian)
3. Gadaev V. *Moe mirozdanie: stihotvoreniya, ballady, pritchi, poemy* [My universe: verses, ballads, parables, poems]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2004. 512 p. (In Russian)
4. Gorbunov V. V. *Priznanie: literaturno-kriticheskie stat'i* [Recognition literary-critical articles]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1984. 152 p. (In Russian)
5. Gudkova S. P. *Kniga stihov kak krupnaya zhanrovaya forma v tvorcestve russkojazychnyh pisatelej Mordovii (na materiale poeticheskij izdanij 2014–2015 gg.)* [The book of poems as a major genre form in the works of Russian-speaking writers of Mordovia (on material of poetic publications of 2014–2015)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 6 (2), pp. 27–35. (In Russian)
6. Gudkova S. P. *Krupnye zhanrovyje formy v sovremennoj russkoj poezii Mordovii* [Large genre forms in modern Russian poetry of Mordovia]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta Publ., 2016. 208 p. (In Russian)
7. Devyatkin G. S. *Razvitie balladnyh tradicij* [The development of the ballad traditions]. *Sovremennaya mordovskaya literatura: v 2 chastyah* [Modern Mordovian literature: in 2 parts]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1993. Vol. 2, pp. 25–40. (In Russian)
8. Kaznov S. *Novaya ballada o Zolushke* [The new ballad about Cinderella]. Available at: <https://polutona.ru/?id=223&show=reflect> (accessed May 15, 2019). (In Russian)
9. Kaznov S. *Ostrov, polnyj zvukov: stih raznyh let* [The island full of sounds: poems of different years]. Available at: <https://fayzov.livejournal.com/207208.html> (accessed May 15, 2019). (In Russian)
10. *Russkaya poeziya Mordovii: opyt antologii* [Russian poetry of Mordovia: the experience of anthology]. Comp. by V. A. Fedoseev. Saransk: Kniga Publ., 2012. 480 p. (In Russian)
11. Smorodin K. *Vtoroe dyhanie: stih* [The second breath: poetry]. Saransk: Krasnyj Oktyabr Publ., 2016. 240 p. (In Russian)
12. Smorodin K. *Mir ne konchaetsya za poslednej dver'ju* [The world doesn't end behind the last door]. *Strannik: molodezhnyj zhurnal* [The Wanderer: youth magazine], 2019, no. 1. Available at: http://strannik-lit.ru/76680_81169_28_2_2019.html (accessed May 16, 2019). (In Russian)
13. Strashnov S. L. *Molodeet i lad ballad: Ballada v istorii russkoj sovremennoj poezii: Literaturno-kriticheskie statii* [And manner of ballads is growing younger: The ballad in history of Russian modern poetry: Literary and critical articles]. Moscow: Sovremennik Publ., 1991. 155 p. (In Russian)
14. *Teoriya literatury. V 2 t.* [Theory of literature. In 2 vol.]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow: Akademiya Publ., 2004. Vol. 2. 368 p. (In Russian)
15. Terentyev A. *Nabatnyj zvon: Ballady, skaz, poemy, venok sonetov, pis'ma* [Alarm bells: Ballads, tale, poems, sequence of sonnets, letters]. Saransk: Krasnyj Oktyabr' Publ., 2002. 295 p. (In Russian)
16. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 576 p. (In Russian)
17. Fedoseev V. *Hlebozary: sbornik stihov* [Hlebozary: collection of poems]. Saransk: Ruzaevskij pechatnik Publ., 2017. 320 p. (In Russian)
18. Chukontsev O. *Stihotvoreniya* [Poems]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1989. 302 p. (In Russian)

19. Sharonov A. M. *Planeta Era: stihi, poemy, povesti, rasskazy* [The Planet Era: verses, poems, stories, tales]. Saransk: Lit. fond Rossii Publ., 2014. 544 p. (In Russian)
20. Gagaev A. A., Gagaev P. A., Tikhonov R. V. Bochkareva O. V. Mastorava by A. M. Sharonov: metaepos of tragedy and uthopy and prachthopy of erzya ethnos. *International journal of Russian studies*, 2015/1, no. 4. Available at: http://www.ijors.net/issue4_1_2015/articles/alexandrovic (accessed May 18, 2019). (In English)
21. *Contemporary Irish poetry: A collection of critical essays*. Ed. E. Andrews. London: Macmillan, 1992. 355 p. (In English)
22. Lachmann R. *Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Main, 1990. 554 p. (In German)
23. René Wellek and Austin Warren. *Theory of literature*. New York: Penguin Books. 1956. 384 p. (In English)
24. Sharonova E. A., Osmukhina O. Y. and etc. The mythological plots about the creation of the world and human beings in the erzyan epic, Mastorava. *Revista de letras*, 2016, no. 56 (1), pp. 83–102. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Осмухина Ольга Юрьевна, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор филологических наук, профессор.

osmukhina@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-1456-4793

Пивкина Екатерина Васильевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы. ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68).

kate8ruru@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0273-3884

ABOUT THE AUTHORS

Osmukhina Olga Yuryevna, Head of Russian and Foreign Literature Department, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Professor.

osmukhina@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-1456-4793

Pivkina Ekaterina Vasilyevna, Postgraduate student of Russian and Foreign Literature Department, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68).

kate8ruru@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0273-3884